

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.54-72>

Этнокультурные и бытовые контакты сельского населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX века: источниковедческий аспект

Г.А. Николаев

Исследователь

Чебоксары, Российская Федерация

nicga50@rambler.ru

Резюме. Изучение этнокультурных и бытовых контактов средневожских разно-этнических аграрных социумов накладывает на исследователей-гуманитариев особую ответственность. Названная тема принадлежит к разряду многосложных и тонких и, в силу эмоционального восприятия ее обществом, как никакая другая, требует тщательно продуманных, взвешенных оценок. Средневожскую деревню отличает многонациональный и поликонфессиональный состав населения. Соседствуя на протяжении столетий, этнические и конфессиональные группы крестьянства нашли свою нишу в ее социокультурном пространстве, научились находить общий язык между собой в самых разных сферах повседневной жизни. В эпоху капиталистической модернизации их взаимодействие стало еще более интенсивным. Успех в разработке указанной проблематики автор статьи напрямую связывает с выявлением и извлечением необходимых сведений из большого массива исторических источников и проведением критической оценки информации. Находя исключительно важным данное обстоятельство, он сосредотачивает свое внимание на источниковедческом аспекте изучения темы, делится с научной аудиторией собственным поисковым опытом, анализирует информационный потенциал имеющейся в распоряжении исследователей документальной базы.

Ключевые слова: этнокультурные связи; бытовые контакты; вожская деревня; этнические общины; капитализм; исторические источники

Для цитирования: Николаев Г.А. Этнокультурные и бытовые контакты сельского населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX века: источниковедческий аспект. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 54–72.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.54-72>

Ethnocultural and Everyday Contacts of the Rural Population
of the Kazan and Simbirsk Governorates in the Second Half
of the 19th – early 20th Centuries: Source Study Aspect

G.A. Nikolaev

Researcher

Cheboksary, Russian Federation

nicga50@rambler.ru

Abstract. The study of ethnocultural and everyday contacts of the Middle Volga multi-ethnic agrarian societies imposes a special responsibility on humanitarian researchers. The named topic belongs to the category of complex and delicate ones, and, due to its emotional perception by society, like no other, requires carefully thought-out, balanced assessments. The Middle Volga village is distinguished by a multinational and poly-confessional composition of the population. Neighboring for centuries, ethnic and confessional groups of the peasantry found their niche in its socio-cultural space and learned to find a common language with each other in various spheres of everyday life. In the era of capitalist modernization, their interaction became even more intensive. The author of the article directly links the success in developing these issues with the identification and extraction of the necessary information from a large array of historical sources and the conduct of a critical evaluation of the information. Finding this circumstance extremely important, he focuses his attention on the source study aspect of the study of the topic, shares his own search experience with the scientific audience, and analyzes the information potential of the documentary base available to researchers.

Keywords: Ethnocultural Ties; Everyday Contacts; Volga Village; Ethnic Communities; Capitalism; Historical Sources

For citation: Nikolaev G.A. Ethnocultural and Everyday Contacts of the Rural Population of the Kazan and Simbirsk Governorates in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Source Study Aspect. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 54–72.
<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.54-72> (In Russian)

Этнокультурные связи и бытовые контакты жителей волжской многонациональной деревни во второй половине XIX – начале XX в. получили отражение в разных исторических источниках: в метрических книгах, первичных листках Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., отложившихся в архивах делопроизводственной документации административных, ведомственных и прочих учреждений, этнографических сочинениях и записках современников, письмах и воспоминаниях представителей сельской интеллигенции и чиновников разного уровня,

миссионерской публицистике, напечатанных в периодической печати корреспонденциях с мест, и т.д. Это сложное и многослойное, взаимосплетенное этнокультурное явление, характеризующееся взаимосвязанностью всех его составляющих компонентов, может быть образно представлено, пожалуй, лишь в виде социокультурной мозаики, созданной из многих тысяч крупниц их повседневной социальной жизни. Исследователи, накопившие относительно внушительный объем исторического нарратива по данной теме, непременно обнаружат, что по отдельным ее аспектам они имеют противоречивые, а порой и диаметрально противоположные сведения. Такая ситуация не случайна, ибо в исторических источниках запечатлены: во-первых, субъективное восприятие современниками реальной действительности; во-вторых, проявление разнонаправленных тенденций в межэтнических связях и бытовых контактах волжских аграрных социумов, выражавшихся в эпоху капиталистической модернизации в их сближении и дистанцировании.

Рассматриваемая проблематика принадлежит к разряду не только многосложных, но и, вследствие эмоционального ее восприятия обществом, исключительно тонких, требующих, возможно, как никакая другая, глубоко продуманных и взвешенных оценок. В этой связи представляется актуальным обращение к источниковедческому аспекту темы, ибо свои выводы ученые-гуманитарии строят на информации, отразившейся в исторических источниках. Указанный сюжет до настоящего времени остается без должного внимания историков и этнологов. Автора настоящих строк интересуют следующие вопросы: какие реалии повседневной жизни, зафиксированные в документах и материалах, репрезентативно, а главное – более полно отражают тесноту этнокультурных связей и бытовых контактов этнических групп волжского крестьянства? какая из них может быть принята за основной критерий/показатель для их измерения? насколько близка к действительной информация об этнокультурных связях и бытовых контактах жителей многонациональной деревни, содержащаяся в разных видах письменных источников? как часто в угоду собственным интересам современники искажают информацию о них?

Попутно при поиске ответов на поставленные вопросы считаем нелишним показать и информационный потенциал исторических источников, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике, а также возможные приемы извлечения из них необходимых сведений. Территориальные рамки статьи нами ограничены Казанской и Симбирской губерниями, где бок о бок с давних пор соседствуют представители разных народов. Разумеется, в рамках заданного объема публикации рассматриваемый аспект темы может быть поставлен лишь как научная проблема.

Великороссы, мари, мордва, татары, удмурты, чуваш и другие этносы составляют неотъемлемую часть этнокультурного ландшафта выделенных для изучения административно-территориальных единиц Российской империи. Одни этнические общности проживают в ней со времен седой

старины, другие были интегрированы в состав местного населения несколько позже. Российский социолог, экономист и публицист В.В. Берви-Флеровский на основе собственных наблюдений, сделанных в середине XIX в., пришел к выводу, что каждая этническая общность волжского региона имела «свои достоинства», причем «такого рода», которыми они могли обогатить культуру живущих по соседству этнических партнеров, являя собой тем самым значимый социокультурный потенциал для развития страны по цивилизационному пути (Флеровский, 1869, с. 139). Отмена крепостного права и укрепление в стране рыночных отношений дали новый импульс этнокультурным связям и бытовым контактам этносов региона как в местах их компактного проживания, так и за их пределами.

Выявление и сбор информации о взаимодействии разнорациональных аграрных социумов в эпоху рыночных реалий из имеющихся исторических источников требуют немалых поисковых усилий. В силу специфичности рассматриваемой темы она в них разбросана главным образом разнородной россыпью сведений в виде свидетельств и наблюдений современников. Лишь метрические книги да статистико-экономические издания дают прямые и сопутствующие относительно полные данные по отдельным ее сюжетам: соответственно о числе национально-смешанных браков и этнически неоднородных сел и деревень, где этнокультурные связи и бытовые контакты этнических партнеров обычно были регулярными и тесными. Чаще всего интересующий исследователей конкретный материал в исторических источниках в географическом плане локален, а в содержательном – фрагментарен и расплывчат. В мемуарах, письмах, корреспонденциях с мест, дневниковых записях, путевых и этнографических записках, церковных летописях он присутствует сплошь и рядом или в виде обобщений общего плана, или же в виде описаний частных эпизодов повседневного быта этнических групп крестьянского населения. Обыденные явления в жизни волжской многонациональной деревни, прежде всего потому, что они являлись именно подобной составной частью ее повседневного быта, очень часто оставались вне внимания членов обществ или же все это фиксировалось, как принято в таких случаях выражаться, лишь мимоходом, кратко. Так, из этнографического сочинения уроженки с. Албаево Мамадышского уезда Казанской губернии Елены Михайловой, выполненного в начале XX в., в частности, узнаем, что крещеные татары ее малой родины относились к окрестным русским хлебопашцам «хорошо и дружелюбно» [12, с. 158]. Сегодня мы можем лишь домысливать конкретное содержимое ее свидетельства, скрытое за данной позитивной фразой. Разумеется, любые свидетельства современников, даже самые «туманные» и поверхностные, представляют научный интерес. Ибо, чем большим их количеством будут оперировать исследователи, тем отчетливее будут проявляться перед ними контуры рассматриваемой сферы повседневной жизни разнородных аграрных социумов.

Материал по рассматриваемой проблематике, имеющийся в «шаговой» доступности исследователей, все же достаточно скромен. Передаваемое из поколения в поколение бесценное социокультурное наследие волжских крестьян, заключающееся в искусстве нахождения общего языка с иноплеменниками и приверженцами иных вероисповеданий, совместными усилиями ученых-гуманитариев региона еще не отражено в многотомном сборнике документов, хотя необходимость в этом назрела давно. В случае реализации в ближайшем будущем указанного исследовательского проекта, хотелось бы, чтобы такое фундаментальное издание включало в себя в русском переводе и письменные источники на марийском, мордовском, татарском, удмуртском и чувашском языках. С уверенностью утверждаем, что обогатили бы его тома тонкими наблюдениями об этнокультурных связях и бытовых контактах чувашских крестьян со своими этническими партнерами на рубеже XIX–XX вв. фрагменты текстов, включенных в содержательное и добротное издание современника, этнографа-фольклориста, большого знатока менталитета и образа жизни своих соплеменников Г.Т. Тимофеева «*Тăхăрьял*» (Девятиселье) (Тимофеев, 2002).

В социальном пространстве волжской деревни добрососедские и доверительные отношения между крестьянами разных национальностей внешне проявлялись в разных формах. К ним могут быть причислены и частое бытовое общение этнических соседей, и совместное проведение ими досуга/празднеств, и взаимные: гостевание, оказание в сложных жизненных ситуациях, а также в других необходимых случаях всяческой помощи, дарение подарков. В данном же ряду – установление этническими партнерами между собой особых приятельских отношений (имеем в виду институт досов), приглашение при крещении младенцев в восприемники, заключение национально-смешанных семейных союзов, прочие подобного рода неотъемлемые социальные составляющие повседневной действительности. Но достаточно лишь несколько углубиться в тему, чтобы убедиться, что практически все вышеперечисленные признаки, кроме, пожалуй, одного из них – выбора в жены женихами невест из инонациональной среды, являют собой, скажем так, весьма зыбкие критерии для измерения тесноты взаимоотношений этнических групп. И на самом деле, в одной местности представители одних и тех же народов хорошо ладили между собой, в другой – не очень¹. Живя в одной деревне или в соседних селениях, крестьяне разных национальностей не всегда жаловали друг друга как носителей иной этнической культуры, но при этом водили между собой хлеб-соль². Частое бытовое общение и взаимное гостевание между ними, случалось, уходило в прошлое со сменой поколений или же с изменением

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 151. Л. 122, 280.

² НА ЧГИГН. Ед. хр. 218. Л. 156.

духовных ориентиров одним из партнеров³. Неокрепшие в православной вере нерусские крестьяне при крещении своих детей в восприемники приглашали любого, в том числе и иноплеменников, кого встречали по пути в храм, с которыми впоследствии они если и встречались, то, как свидетельствует современник, «не более одного-двух раз»⁴. Подобных хитросплетений во взаимных отношениях этнических групп волжских хлебопашцев наблюдалось предостаточно.

Что же касается крестьян разных национальностей, то они и сами при характеристике тесноты взаимоотношений между этническими общинами в указанном нами ряду признаков национально-смешанным бракам отводили первую позицию. По их наблюдениям, подобные семейные союзы поднимали уровень общения семей брачующихся, их близких родственников, а отчасти и членов обществ жениха и невесты на новый уровень [5, с. 352, 353]. Развивая и углубляя их довод, подчеркнем, что переселившиеся в инонациональную среду молодые люди со временем обычно полностью вращались в этнокультурное пространство супруга/супруги⁵. Конечно же, в рассматриваемое время, помимо этнически неоднородных сел и деревень, национально-смешанные браки заключались преимущественно в селениях, размещенных в контактных зонах, где общение между этническими соседями было довольно тесным. При этом, разумеется, в зависимости от национального состава жителей населенных мест доля таких браков в них сильно варьировала. Представители этносов, считавших друг друга в социокультурном плане ровней, между собой рождались чаще⁶.

Измерение степени тесноты взаимоотношений между этносами по числу заключенных их представителями национально-смешанных браков, правда, с некоторыми оговорками – не каждый жених брал иноплеменницу в жены в округе своей малой родины, таким образом, представляется правомерным. Условным предпочтительным показателем для этого, на наш взгляд, вполне может служить удельный вес таких браковенчаний в общем числе браков в отдельно взятых обществах. Необходимые для подобных расчетов сведения содержатся в метрических книгах, отложившихся в архивах. Их материалы, что отрадно заметить, содержат данные если и не по всем, то почти по всем населенным местам волжских этносов. В хронологическом плане они охватывают всю эпоху капиталистической модернизации, хотя и имеют отдельные временные лакуны. Подобная благоприятная поисковая ситуация, как видим, открывает возможность показать в исторической динамике тесноту этнических связей и бытовых контактов волжских этносов практически на всей территории двух рассматриваемых нами административно-территориальных единиц. Названный при-

³ НА ЧГИГН. Ед. хр. 206. Л. 183.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.И. Ашмарина. Ед. хр. 26. Л. 610.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 206. Л. 180.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 217. Л. 455.

ем результативен, в чем легко можем убедиться. Так, в конце XIX в. на основе собственных наблюдений доктор медицины М.Ф. Кандарадский населенные пункты мари и чувашей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, расположенные на Горной стороне на небольшом удалении друг от друга, включил в зону сильного смешения двух народов через частые браки (Кандаратский, 1889, с. 89). Произведенные нами на основе данных метрических книг за 1901–1910 гг. подсчеты полностью подтверждают его выводы. К примеру, в ок. Верхние Олгаши с невестами, взятыми из среды мари, за первое десятилетие XX в. свили семейное гнездо 8,3% чувашских женихов, в ок. Ижекасы – 11,8%, в д. Кармыш – 13,5%, в ок. Токшик – 13,5%, в ок. Хырлыхкасы – 50% и т.д.⁷

По абсолютному большинству населенных мест двух волжских губерний подсчет числа национально-смешанных браковенчаний на основе записей метрических книг об этнической принадлежности женихов и невест дает объективную картину о тесноте взаимоотношений этнических партнеров. Указанный поисковый прием искажает реальную картину лишь по очень небольшой части селений, в частности, по принадлежавшим молькеевским кряшенам. Прежде небольшая историческая справка об их весьма специфическом сообществе. Его немногочисленные представители проживали в девяти населенных пунктах Казанской губернии. Шесть из них входили в Цивильский уезд (с. Большое Тябердино, с. Молькеево, с. Старое Тябердино, д. Старые Курбаши, д. Хозесаново, д. Янгозино-Суринское), три – в Тетюшский уезд (д. Баймурзино, д. Полевая Буа, д. Старый Курбаш). Формирование жителей данных селений в этноконфессиональную общность в изучаемое время еще не получило полного завершения. Между собой молькеевцы общались на татарском языке, а во всем остальном, как отмечали современники, они «мало чем» отличались от окрестных чувашей⁸. Хотя и не все, но очень многие молькеевские кряшены свободно владели языком этнического партнера. С чувашами, хорошо усвоившими в свою очередь татарское наречие, они находились в тесном общении [2, с. 227]. Многие окрестные жители считали молькеевских кряшен потомками татар-мусульман, когда-то в прошлом принявших христианскую веру и впоследствии перенявших обычаи чувашей⁹. Были и такие, кто причислял их к потомкам чувашей, удмуртов и мещеряков, в стародавнее время переселившихся в среду татар-мусульман и освоивших через общение с ними татарский язык, но сохранивших при этом свою традиционную веру, а впоследствии принявших крещение¹⁰. Причем инте-

⁷ Подсчитано по: Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 557. Оп. 4. Д. 105. Л. 43–437; Д. 106. Л. 45–226; Д. 107. Л. 49–64.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп.4. Д. 184. Л. 36 об.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп.4. Д. 184. Л. 36 об.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп.4. Д. 184. Л. 12 об.

рес соседей к этнической истории молькеевцев был выраженным, глубоким. Так, священник с. Чутеево Семен Ломоносов склонен был считать, что жители д. Хозесаново, значавшиеся по документам чувашами, на самом деле являлись «татарами из мещеряков». В пользу своей версии он приводит следующие доводы: хозесановцы живут намного чище чувашей; в отличие от последних чисты лицом, имеют высокий рост и крепкое телосложение, лишь немногие из них живут в курных избах; общаются между собой на татарском наречии, хотя и владеют, за исключением детей, чувашским языком¹¹.

В православных храмах округа вступавших в брак молькеевских крещен священнослужители из чувашей, что следует особо отметить, записывали только чувашами, священнослужители из крещеных татар – только «старокрещеными татарами», священнослужители из великороссов – либо чувашами, либо «старокрещеными татарами»¹². Столь же важный факт. Старотябердинская волостная администрация фиксировала молькеевцев старокрещеными татарами, а Кошелевская предпочитала не обременять себя определением размытой этнической самости «чуваше-татар» и никак не обозначала в исходящей от ней документации их национальную принадлежность¹³. В пореформенное время сами молькеевцы идентифицировали себя по-разному: одни считали, что они происходят из татар, другие – из чувашей. Но были и такие, кто затруднялся однозначно причислять себя к той или иной этнической общности. Но в начале XX в., за исключением отдельных лиц старшего возраста, они позиционировали себя уже крещенами¹⁴.

При обработке материалов метрических книг исследователи сталкиваются и с другими сложностями. Дело в том, что в них не все служители православного культа при венчании женихов и невест указывали национальность брачующихся. Но эта ситуация почти всегда легко преодолима. Этническую принадлежность жителей населенных мест можно установить по опубликованным справочным и статистико-экономическим изданиям второй половины XIX – начала XX в. В них выделены две группы сел и деревень – мононациональные и национально-смешанные (Крестьянское землевладение, 1907; Крестьянское землевладение, 1907а); [7; 9–11]. Статистики к числу первых причисляли селения, где та или иная этническая группа составляла все или почти все их население, к числу последних – населенные пункты, где два и более этнических групп были или относительно равновеликими по числу жителей, или же ни одна из них численно на порядок не преобладала над всеми остальными, взятыми вместе (Крестьянское землевладение, 1909, с. 14). Указанный нами исследовательский

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 196. Л. 65, 66.

¹² ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 184. Л. 10–12.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 184. Л. 10–12.

¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд К.В. Элле. Ед. хр. 603. Л. 124.

прием не дает искомые результаты по второй группе селений. Не применим он и в случаях, когда мононациональные населенные пункты, расположенные на относительно небольшом расстоянии друг от друга, носили одинаковые названия. Такие ситуации действительно имели место в Казанской и Симбирской губерниях, но они встречались достаточно редко. Великороссы и татары-мусульмане, проживавшие в составе нескольких семей в инонациональных деревнях, за редким исключением, предпочитали родниться со своими же соплеменниками. По этой причине причисление таких селений к мононациональным топографическим единицам не будет сколько-нибудь ощутимо сказываться на доле браков, заключаемых мари, мордвой, чувашами и удмуртами с русскими и татарскими хлебопашцами.

В целом же метрические книги являются надежным источником при подсчете искомого показателя для измерения тесноты отношений этнических сообществ. Более того, они дают косвенный материал и для уточнения этнического состава национально-смешанных селений. Так, в справочных и статистико-экономических изданиях начала XX в. национальный состав жителей д. Балабаш-Норуссово Буинского уезда Симбирской губернии определен и как состоящий из русских и мордвы [7, с. 34; 9, с. 411], и как состоящий из чувашей и мордвы [10, с. 94]. Но подсчеты, выполненные нами на основе данных метрических книг, показали, что в 1901–1910 гг. брачными партнерами женихов данного сельского общества являлись девицы и женщины, жившие в одном чувашско-мордовском, в двух русско-чувашских, в двух мордовских, в двух русских и в двенадцати чувашских деревнях¹⁵. Несколько озадаченные полученным результатом, мы продолжили поиск. Вскоре нам все же удалось разубить данный, выразимся так, гордиев узел. Обращение к материалам приходской церковной летописи показало, что в д. Балабаш-Норуссово проживали представители трех этнических общин: чувашаи, мордва и русские¹⁶.

Пожалуй, здесь нелишне попутно подчеркнуть, что бытовые контакты этнических групп волжского крестьянства между собой были более тесными, чем этнокультурные. Межконфессиональные браки в их среде заключались весьма редко. Подавляющим большинством жителей деревни такие семейные союзы не жаловались. Естественно, сказывался и запрет на переход православных лиц в иные вероисповедания в российском законодательстве.

В корпусе исторических источников, отражающих этнические связи и бытовые контакты этнических групп волжского крестьянства, важное место занимают материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Опубликованные результаты названного демографического обследования

¹⁵ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 3. Д. 36. Л. 99–103, 140–147, 194–203; Д. 37. Л. 34–40, 88–95, 147–155, 197–207; Д. 38. Л. 31–40, 95–102, 145–155.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 63. Л. 11.

широко используются в исторической и этнологической литературе для показа особенностей расселения этносов в административно-территориальных единицах, их миграции за пределы губерний, изменения национального состава последних и входивших в них уездов, а также определения контингента лиц, сменивших свою этническую принадлежность и т.д. Исключительно ценными для изучения этнических процессов в деревне являются данные переписных листов демографического обследования, к которым исследователи обращаются не столь часто. Между тем без их привлечения не представляется возможным сколько-нибудь полно осветить взаимную ассимиляцию волжских крестьян на рубеже двух веков.

В первичных материалах переписи 1897 г. представлена информация о двух группах жителей сельских поселений: наличном и временно пребывающем. Прежде поведем речь о первых. Сведения, характеризующие их, позволяют показать роль и место крестьянской семьи как социального института в аккультурации и ассимиляции в собственном этнокультурном поле инонациональных брачных партнеров. Данный процесс может быть прослежен по языку, который считали родным домохозяин, его жена и их дети. Входя в дом мужа, жена-иноплеменница, как правило, постепенно осваивала не только наречие супруга, но также обычаи и традиции новой этнокультурной среды. Спустя годы все члены такой социальной ячейки очень часто находили себя членами единой этнической общины. Как явствует из записей в переписных листах демографического обследования 1897 г., в семье Андрея и Ульяны Степановых из ок. Евсейкин Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, где домохозяин являлся марийцем, а его жена чувашкой, и родители, и их дети общались на марийском языке¹⁷. В с. Томилово Сенгилеевского уезда Симбирской губернии в семье Стригалкиных – мордвина Семена и великоросски Ирины – и старшее, и младшее поколения родным языком считали мордовский¹⁸. Заметим, что наблюдаемый сценарий в этнокультурной эволюции национально-смешанных семейных союзов являлся одним из основных, но отнюдь не единственным. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть другие их варианты. Обратимся, в частности, к материалам переписных листов по Симбирской губернии. В семье уроженца с. Чеберчино Алатырского уезда Дмитрия Кручинкина сам домохозяин находил родным мордовский язык, а его жена Прасковья и пятеро их детей таковым считали русское наречие¹⁹. Жившие в с. Чиндяково Алатырского уезда супруги Седойкины – мордвин Федор и великоросска Мария, родными для себя считали соответственно мордовский и русский языки. Но таковым наречи-

¹⁷ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 30 об.

¹⁸ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 597. Оп. 1. Д. 62. Л. 183–184.

¹⁹ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 33. Л. 465–466.

ем своих малолетних детей – Татьяны и Ивана – родители в ходе переписи нашли необходимым указать мордовский²⁰.

Из первичных материалов переписи 1897 г. можно извлечь ценные сведения и о бытовых контактах разноэтничных групп средневожского крестьянства. В ок. Евсейкин Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в момент его проведения в семье мари́йца Андрея Степанова и чувашки Ульяны Никитиной временно пребывали два жителя чувашской д. Хундыкасы: Васильев Никита и Трофимова Анна. Первому было 96 лет, он, будучи в преклонных годах, совершенно оглох, и, поскольку нуждался в уходе, находился у зятя и родной дочери «на прокормлении»; вторая являлась племянницей жены домохозяина и гостила у тети²¹. В данном же населенном пункте 28 января 1897 г. перепись зарегистрировала в семье мари́йца Захара Спиридонова уроженца чувашской д. Большое Карачкино Алексея Семенова, приехавшего навестить свою родную сестру Феодосию. Последняя была удочерена домохозяином и воспитывалась в его семье. Что ожидаемо, родным языком она считала мари́йский²².

Особо отметим, что часть инонациональных обывателей, зарегистрированных демографическим обследованием в обществах вожских крестьян в качестве временно пребывающих лиц, не являлась родственниками домохозяев и членов их семей. В мордовском селе Томылово Сенгилеевского уезда Симбирской губернии счетчики, посетившие семью Чиляковых, к примеру, застали восьмидесятилетнюю уроженку русского с-ца Озерки Дарью Иванову, собиравшую в данном населенном пункте подаяние²³. В указанной же губернии в с-це Алакаевка Сызранского уезда в семье великороссов Засориных вместе членами были переписаны два постояльца: торговцы-разносчики из татар-мусульман Насыр и Мухбин Ульбаевы, являвшиеся уроженцами д. Самайкино²⁴. Согласно данным, отмеченным в переписном листе, в дворохозяйстве великоросса Павла Кузенкова с. Ульяновко Свижского уезда Казанской губернии находился прохожий, татарин Гильман, по видимому, в силу какой-то надобности зашедший к ним²⁵.

Как известно, первичные материалы демографического обследования 1897 г., отосланные губернскими переписными комиссиями в Главную переписную комиссию, подлежали уничтожению (Литвак, 1990, с. 123). Вторых же экземпляров переписных листов в архивах региона отложилось не так много. Выявление выписок из переписных листов и сделанных на основе его данных сводок в делопроизводственной документации админи-

²⁰ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 38. Л. 54–55.

²¹ ГА РМЭ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 30 об.

²² ГА РМЭ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 47, 47 об.

²³ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 56. Л. 155, 155 об., 156.

²⁴ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 48. Л. 115, 115 об., 116.

²⁵ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 106. Оп. 1. Д. 9. Л. 28, 28 об., 29.

стративных учреждений в какой-то мере почти сродни поиску иголки в стоге сена. Но оно все же не принадлежит к разряду безнадежных поисковых занятий. Так, в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии по обе стороны чувашско-марийского пограничья селения этнических соседей в справочных и статистико-экономических обследованиях зарегистрированы мононациональными топографическими единицами (Крестьянское землевладение, 1907а, с. 18–54, 70–76, 90–102). Обнаружение заполненных ведомостей по одному из переписных участков уезда, отложившихся в фонде Сундырского волостного правления, позволило установить, что в контактной зоне в среде мари, помимо вышедших замуж за марийцев чувашских женщин и женившихся на марийках чувашских мужчин, чувашские крестьяне проживали как в составе целых семей, так и небольшими группами. Из выявленных сведений следует, что в 1897 г. в марийских селениях Токари и Горная Кушерга (Эсаново) «обыкновенно проживали» 18 чувашей в возрасте от 12 до 31 года, перебравшихся туда из чувашских деревень Мутикасы и Хачики (Ямбахино). В их числе была представлена также молодая семья чувашей Арсения и Марфы Прокопьевых²⁶. Надеемся, что дальнейшие поиски помогут уточнить обстоятельства, приведшие к появлению чувашей в указанных марийских деревнях.

Некоторый объем информации об этнокультурных связях и бытовых контактах волжских крестьян в изучаемое время отложился в делопроизводственной документации государственных учреждений. В ней она преимущественно представлена в деловой переписке и отчетной документации. Интерес органов государственной власти разных уровней к рассматриваемым нами вопросам был обусловлен проводимыми в стране масштабными преобразованиями, прежде всего реализуемым правительством во внутренней политике курсом, направленным на дальнейшую интеграцию российского общества, на укрепление связи между его народами и конфессиональными группами, а также на их культурную унификацию. Вскоре после отмены крепостного права последовали шаги по кардинальному обновлению миссионерского дела в стране, приведшие в итоге к разработке и применению на практике в регионе миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского.

В социальной жизни волжских аграрных социумов конфессиональное начало было туго вплетено в национальное, в свою очередь национальное начало – в конфессиональное. Именно это обстоятельство обусловило присутствие сведений об этнокультурных и бытовых контактах в качестве «побочного продукта» в отчетной и прочей документации служителей культа, направленной в адрес духовных учреждений²⁷. Но сбор подобной

²⁶ ГИА ЧР. Ф. 44. Оп. 1. Д. 518. Л. 5 об., 11 об., 24 об., 29, 31 об., 36, 38, 39, 41, 57, 59 об.

²⁷ ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 128 г. Л. 434, 434 об.; ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 839. Л. 35–38 об.

информации проводился и по инициативе последних. В частности, согласно указу казанского архиепископа Антония от 16 декабря 1867 г., приходским священникам епархии было предписано дать подробные сведения о конфессиональной ситуации на местах их службы. В числе прочих вопросов, на которые им необходимо было дать ответ, присутствовал и следующий: «В каком отношении находятся они (здесь речь идет об «инородцах»-язычниках. – Г.Н.) как к русским, так и крещеным однородцам, входят ли с ними в общение, в семейное родство, или живут отчужденно?»²⁸ Поступившая с приходов в адрес владыки информация вооружает исследователей ценнейшим материалом по вынесенной в заголовок настоящей статьи теме. Так, согласно свидетельству священника с. Федоровское Свияжского уезда Моисея Смелова, в 1860-х гг. в приходе чувашиязычники жили с крещеными сородичами и русскими мирно, в добром соседстве, поддерживали с ними тесные хозяйственно-бытовые связи, но не роднились, ибо не были расположены к принятию православия. По его наблюдениям, великороссы не вступали в брак и с крещеными чувашами, находя подобный союз для себя неравным²⁹.

Отчасти информация в аспекте контактов этнических групп крестьянства представлена и в делопроизводственной документации административных и прочих учреждений. После отмены крепостного права в части их национально-смешанных простых и сложных общин, где партнеры в силу разных причин стали дистанцироваться друг от друга, стал набирать силу процесс дробления сообществ на отдельные административные и земельные единицы по этническому и этноконфессиональному признакам. Подобные ситуации порождали документальный «след» в виде многочисленных прошений и жалоб хлебопашцев в разные инстанции, а также деловую переписку по данному поводу административных учреждений разного уровня между собой³⁰. Крестьяне, вовлеченные в такие тяжбы, излагая в исходящей от них документации суть возникшего разлада, давали характеристику собственным этнокультурным и бытовым контактам с этническими партнерами. Последний сюжет, в свою очередь, в той или иной мере находил отражение в делопроизводстве административных учреждений, куда они обращались³¹.

Разные аспекты повседневной жизни волжской многонациональной деревни получили освещение в периодической печати и в источниках личного происхождения. Объектом внимания корреспондентов газет и журналов становились межэтнические браки, совместное проведение крестьянами разных национальностей досуга, традиционных народных праздников и

²⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 195. Л. 216, 217.

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 195. Л. 73, 76.

³⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 71. Д. 845. Л. 1–6.

³¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. Д. 98. Л. 2–3 об.

прочих действ [1; 3, с. 3]. Наряду с грамотными жителями деревень авторами заметок и статей в них выступали и известные ученые-гуманитарии региона. Именно благодаря публикациям последних, в частности, чувашского писателя, фольклориста, историка и этнографа С.М. Михайлова, русского историка, этнографа и фольклориста В.К. Магницкого, во второй половине XIX в. широкой читательской аудитории стали известны совместные весенне-летние празднества волжских народов – чувашей, великороссов, мари и татар-мусульман [4; 8]. Периодические издания, выходившие в стране, вне сомнения, являют собой потенциальный резерв для введения в научный оборот новых фактов по изучаемой теме.

Богатая информация по интересующим нас сюжетам содержится в этнографических записках современников, созданных в основном выпускниками народных училищ и прочих учебных заведений – местными жителями. Такие сочинения они создавали, откликаясь на призыв представителей национальной интеллигенции, изучавших историю и культуру волжских народов. Особенно преуспел в сборе необходимого материала для научных изысканий через сеть корреспондентов чувашский этнограф и историк Н.В. Никольский, регулярно публиковавший в периодической печати специальные программы для сбора сведений по истории, этнографии, фольклористике своих соплеменников (Никольский, 1904). Его объемное рукописное собрание, хранящееся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, включает в себя большой массив писем со свидетельствами и тонкими наблюдениями современников об этнокультурных и бытовых контактах представителей разных этносов. Так, из выполненного уроженцем д. Новое Изамбаево Тетюшского уезда Казанской губернии Арсением Петровым сочинения явствует, что местные чуваша чувствовали себя комфортнее в обществе татар, чем в среде великороссов³².

Как известно, жители средневожской многонациональной деревни являлись приверженцами разных религий. Естественно, все события и процессы, как в собственных обществах, так и за их пределами, члены таких общин воспринимали и в оптике собственных мировоззренческих ценностей. Во всех духовных традициях в тесных межэтнических связях и контактах верующие находили специфический инструментальный воздействия одного культурного поля на другое, посредством которого одна община могла расширить свое культурное поле за счет привлечения в свое лоно приверженцев других вероисповеданий. Печать подобного их миропонимания и мировосприятия ожидаемо находим и в исторических источниках по изучаемой теме. Здесь важно указать, что к использованию этноконфессионального компонента повседневной жизни при отстаивании собственных интересов весьма специфически прибегали и крестьяне, приводя его в качестве основного аргумента в системе доводов.

³² НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 208. Л. 247, 248.

Опираясь на реалии действительности волжской деревни второй половины XIX в., проясним эту ситуацию. Как уже нами было отмечено, в пореформенное время в социальном пространстве части национально-смешанных селений, в основном чувашско-татарских, постепенно набирало силу движение за учреждение автономных в административном и земельном отношениях обществ. Оно было вызвано в жизнь социально-экономическим и этноконфессиональным факторами, причем первый из них очень часто был основным. Татарских хлебопашцев, для которых был характерен более высокий естественный прирост населения, не устраивал грядущий передел земли по ревизским душам – с 1870-х гг. сельские общества региона постепенно возобновили коренные переделы земли, а чувашей, у которых данный показатель был меньшим, – передел угодий по наличным душам. Чтобы добиться раздела общества на две автономные административные и земельные единицы по ревизским душам, в ходатайствах, поданных в разные инстанции власти, при характеристике своих контактов с татарами чувашаи намеренно сгущали краски: показывали их как недружественные, делая при этом акцент обязательно на вероисповедный момент³³. Болезненный для обеих сторон шаг, на который они шли, был глубоко продуман: власть, представленная главным образом приверженцами православия, по идеологическим причинам «развод» чувашей с этническими партнерами найдет целесообразным, что позволит им сохранить свое землепользование в прежнем объеме. Татары же, жившие в национально-смешанных селениях, обычно ратовали за сохранение совместного с чувашами общества. И их поведение опиралось на глубоко взвешенное начало: при переделе земли по ревизским душам их доля в общем землепользовании останется неизменной, а при переделе по наличным душам – получит приращение. Выражая свое несогласие вынесенными не в их угоду по таким тяжбам административными учреждениями решениями, приукрашивая реалии, татары обычно уверяли, что с чувашами они тесно общаются и что между ними нет вообще никаких трений ни на бытовой, ни на религиозной почве. В поступившем 6 октября 1892 г. в Симбирское губернское присутствие от татарских крестьян чувашско-татарской д. Белая Воложка Буинского уезда Шарафетдина Абульханова и Садыка Сабитова жалобе, в частности, читаем: «Не можем обойти молчанием того обстоятельства, что выселяются чувашаи не потому, что между нами происходили какие-либо ссоры, притеснения к ним с нашей стороны, и не из чувства религиозности, а просто из боязни, как бы не состоялся передел земли по наличным душам»³⁴.

Как видим, реконструкция действительной картины об этнокультурных и бытовых контактах на основе отразившейся в исторических источниках информации являет собой отнюдь не простое поисковое занятие.

³³ ГА РТ. Ф. 51. Оп. 5. Д. 1258. Л. 1.

³⁴ ГАУО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 32. Л. 10–11 об.

Укажем еще на следующие моменты. Ревнители православия в тесных контактах и связях чувашей, мари и удмуртов с татарами-мусульманами находили нежелательный этноконфессиональный процесс, потенциально ведущий к сужению социального поля христианства. Одновременно их тревожило сохранение этнокультурной дистанции между великороссами и названными этническими группами, ибо в обозримом будущем вторые, в их представлении, должны были полностью слиться с первыми³⁵. В свете подобной их позиции присутствие в православной миссионерской публицистике положения, что все этнокультурные и бытовые контакты татар-мусульман с нерусскими этносами связаны со стремлением первых переманить их в свою веру, не выглядит случайным явлением (Коблов, 1911, с. 94–96). Искажалась природа взаимодействия разнорасовых общин и ревнителями этничности из «иногородцев». В тесных контактах с социально-культурно продвинутыми этническими соседями они находили социально-психологический инструмент, деформирующий поведенческий стереотип менее развитых этнических сообществ. Его негативное следствие, по их мнению, внешне проявлялось в среде последних в обильном возлиянии Бахусу, сквернословии, мошенничестве и т.п. Подобное восприятие современниками реалий действительности, естественно, находило отражение и на написанных таковыми лицами документах [6, с. 303].

Содержащиеся в исторических источниках сведения, которые, казалось бы, уж точно не искажают повседневность волжской деревни, тем не менее требуют критического отношения, а в ряде случаев – и необходимых пояснений. Проиллюстрируем это на конкретном примере. В 1907 г. газета «Волжско-Камская Речь» писала: «В Казанском уезде деревни Айша, Ковали, Ильинское, Белая Безводная, Параты и Лягушкино имеют смешанное население, где постоянно совершаются браки между черемисами (мари. – *Г.Н.*) и русскими» [1]. Перед нами рядовая описательная информация. На первый взгляд, она вообще не требует критической оценки. Но щепетильный исследователь обязательно прибегнет к такому аналитическому приему. При этом ему предстоит дать ответ на следующие вопросы: почему перечисленные корреспондентом селения не фигурируют в опубликованных справочных изданиях и статистико-экономических обследованиях начала XX в. как национально-смешанные? (Крестьянское землевладение, 1907, с. 32, 36, 80); [11, с. 72, 74, 78, 80]; сколько случаев браковенчаний объединяет он под расплывчатой характеристикой «постоянно»: в среднем один раз за год?; в среднем один раз за два года?..

Подведем итоги проведенному анализу. Создание конкретно-исторических исследований предполагает широкую опору на исторические источники. Но выполнение этого обязательного условия по рассматриваемой многосложной теме сопряжено с определенными трудностями. По отдельным ее сюжетам информация дошла до нас лишь в виде единичных

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 195. Л. 37–39, 63, 70.

свидетельств. Этнокультурные связи и бытовые контакты этнических групп средневожского крестьянства получили отражение в источниках преимущественно в виде россыпи сведений в форме наблюдений и свидетельств разных лиц. Поиск и извлечение из сохранившейся документальной базы нужной информации само по себе являет трудоемкий процесс, который приумножен в нашем случае очень часто еще и необходимостью выполнения такой технической операции, как установление по месту проживания хлебопашцев их национальной принадлежности. Получение объективной картины о взаимодействии этнических общин возможно лишь при опоре на материалы, характеризующие их связи в динамике как в аспекте сближения, так и в аспекте дистанцирования. К искажению искомой картины ведет и неучет специфичности отраженной в части источников информации – она требует критической оценки, которая выражается в ее противоречивости, субъективности, а часто – и в заданности. Но при должном усердии исследователя, как показывает наш скромный поисковый опыт, трудности источниковедческого плана, связанные с изучением рассматриваемой интереснейшей и тонкой темы, все же преодолимы.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Волжско-Камская Речь. 1907. № 197.
2. *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. 229 с.
3. *Магницкий В.К.* Село Кучкеи // Волжский вестник. 1887. 21 февраля.
4. *Магницкий В.К.* Беловолжская ярмарка: этнографические материалы // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1873. № 60.
5. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов / сост.: Р.Р. Исаков, Х.З. Багаутдинова. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; ЯЗ, 2015. 620 с.
6. Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост., авторы вступ. статьи, археогр. предисл., примеч. Г.А. Николаев, Р.Р. Исаков. Чебоксары: ЧГИГН; Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 496 с.
7. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 4. Буинский уезд Симбирск: Тип. А.П. Балакиришкова, 1914. С. 2–221.

8. *Спиридон Михайлов*. Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде // Казанские губернские ведомости. Прибавление. Часть официальная. 1852. № 21.
9. Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Симбирская губ. тип., 1897. 417 с.
10. Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Симбирская губ. тип., 1913. 283 с.
11. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Тип. А.М. Петрова, 1904. 798 с.
12. Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских курсов (педагогического техникума) (1921–1922): сборник материалов и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. 316 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кандаратский М.Ф.* Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии: (эпидемия зоба и кретинизма). Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 68 с.
- Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев Приволжского края // Православный собеседник. 1911. Июль-август. С. 88–112.
- Крестьянское землевладение Казанской губернии. Казанский уезд. Вып. 1. Казань: Типолит. И.В. Ермолаевой, 1907. 93 с.
- Крестьянское землевладение Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Вып. 10. Казань: Типолит. И.В. Ермолаевой, 1907а. 119 с.
- Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Вып. 13. Казань: Литотип. И.Н. Харитонов, 1909. 305 с.
- Литвак К.Б.* Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России: (источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1. С. 114–126.
- Никольский Н.В.* Программа для собирания сведений о чувашах // Известия по Казанской епархии. 1904. № 3. С. 63–72.
- Тимофеев Г.Т.* Тәхәрәл: Этнографи төрленчәкәсем. Халәх сәмахләхә. Ҙыра пынысем. Ҙырусемпе асаилүсем. Шупашкар: Чăваш кенеке изд-ви, 2002. 431 с.
- Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования. СПб.: Изд. Н.П. Полякова, 1869. 494 с.

REFERENCES

- Kandaratskiy M.F. *Signs of Extinction of the Meadow Cheremis of the Kazan Governorate: (Epidemic of Goiter and Cretinism)*. Kazan: Kazan Imperial University, 1889. 68 p. (In Russian)
- Koblov Ya.D. On the Tatarization of Non-Russians of the Volga Region. *Pravoslavniy Sobesednik*. 1911, July-August, pp. 88–112. (In Russian)
- Peasant Land Ownership of the Kazan Governorate. Kazan Uyezd*. Iss. 1. Kazan: I.V. Ermolaev Typolit., 1907. 93 p. (In Russian)
- Peasant Land Ownership of the Kazan Governorate. Kozmodemyansk Uyezd*. Iss. 10. Kazan: I.V. Ermolaev Typolit., 1907a. 119 p. (In Russian)

Peasant Land Ownership of the Kazan Governorate. Summary for the Governorate. Iss. 13. Kazan: I.N. Kharitonov Litotyp., 1909. 305 p. (In Russian)

Litvak K.B. Population Census of 1897 on the Peasantry of Russia: (Source Study Aspect). *History of the USSR.* 1990, no. 1, pp. 114–126. (In Russian)

Nikolskiy N.V. Program for Collecting Information About the Chuvashes. *Izvestiya po Kazanskoy Eparkhii.* 1904, no. 3, pp. 63–72. (In Russian)

Timofeev G.T. *Takharyal: Ethnographic Sketches. Folklore. Notes. Letters and Memoirs.* Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2002. 431 p. (In Chuvash)

Flerovskiy N. *Situation of the Working Class in Russia. Observations and Research.* St. Petersburg: N.P. Polyakov Publ., 1869. 494 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Николаев Геннадий Алексеевич – кандидат исторических наук, исследователь (Чебоксары, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>; e-mail: nicga50@rambler.ru

About the author:

Gennady A. Nikolaev– Cand. Sci. (history), Researcher (Cheboksary, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>; e-mail: nicga50@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 12.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 26.01.2026

Принята к публикации / Accepted 19.02.2026